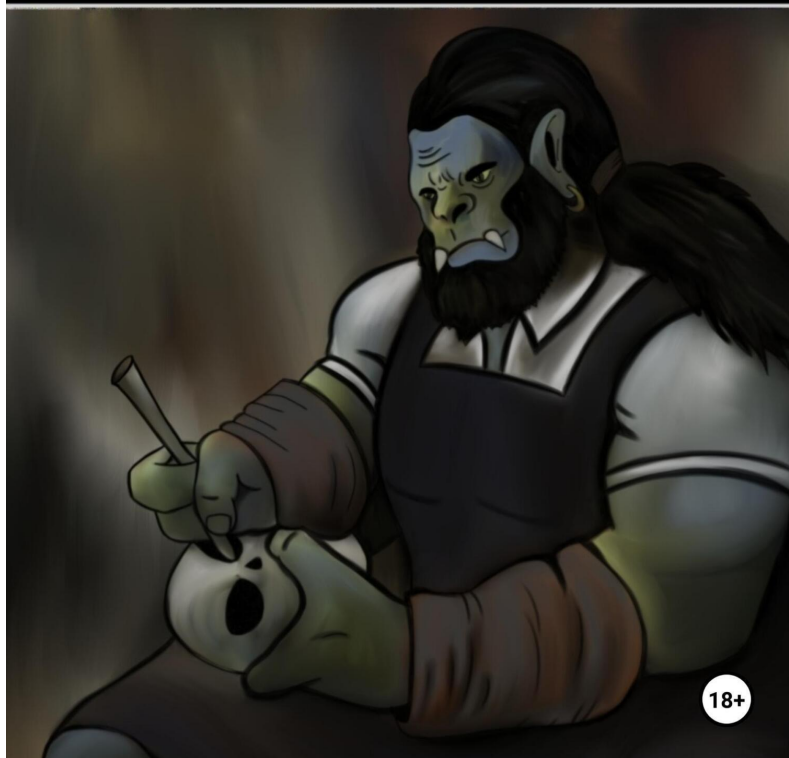

Владимир Андерсон

БОРЬБА

Пленники тьмы

18+

Владимир Андерсон
Борьба: Пленники
Тьмы (книга первая)
Серия «Борьба», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69633679

SelfPub; 2024

Аннотация

Первая часть саги "Борьба". Год: 2170. Человечество выжило после страшной катастрофы Третьей Мировой войны, но Земля превратилась в мрачное и безжалостное место. Век спустя оставшиеся в живых сталкиваются с новой угрозой. Человекоподобные чудовища, известные как чумы, возвращаются из темного прошлого, чтобы воплотить свои зловещие замыслы. Им удаётся поработить людей. Главный герой – бригадир группы шахтёров, потерявший своих близких в ужасах послевоенной реальности. Его душа наполнена горечью и стремлением к свободе. Он решает объединить вокруг себя тех, кто отказывается мириться с рабством, и возглавить отчаянное восстание против чумов. Однако чумы не просто беспощадные воины. Они обладают необъяснимой силой и сокрытым тайной древним артефактом – Чёрным Камнем, объектом поклонения и главным источником их силы.***Книга, написанная 18 лет назад (2005

год) выбрала местом действия Макеевку, пригород Донецка, что оказалось необычно актуально в наше время.

Содержание

Пролог	5
Есть то, что осталось	7
Мысли свободного раба	10
Где свои и где чужие	27
Кто о свободе, а кто о жене	45
Резиденто-диссиденто	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Андерсон

Борьба: Пленники Тьмы (книга первая)

Пролог

Никто уже не помнит того времени, когда мы были свободны. Когда-то давным-давно была война между нами, людьми. Тогда мы ещё не знали, что нам придётся столкнуться с кем-то ещё. Мы думали, что покорили природу, расщепили атом, освоили космос. А потом пришли они... И вся наша техника, все наши «искусственные умы» отказались работать... не на нас, а вообще на кого бы то ни было: они просто вышли из строя. Все наши достижения стали ничем за какой-то миг: перестали функционировать ракеты, компьютеры, системы распределения, да что там... половина всего превратилось в хлам. А шатлы и спутники... да кто знает, что с ними стало. Может, упали в океан, а, может, всё летают... собственно сейчас никому это и не интересно...

И всё это из-за какого-то кристалла. Никто из людей, разумеется, его не видел, но чумы (те самые, что считают себя нашими хозяевами) всегда пропагандировали его силу и ве-

личие, утверждая о немислимых размерах и разуме... Да, он живой. Более того, по их словам именно он велел им начать войну, а затем открыл портал, после чего заглушил всю нашу электронику. Господи, у нас осталось одно огнестрельное оружие да пара тысяч танков, переживших Третью Мировую Войну.

Некоторые возлагали надежду на КАЗ (комплекс активной защиты; оборона бронетехники, работающая по принципу выбрасывания металлических шариков в сторону летящего снаряда), но этого было так мало, как и сил, а врагов так много, что... Господи, ну зачем же мы воевали друг с другом?

Есть то, что осталось

Зачем мы понадобились чумам совершенно ясно – сырьё, материальное и трудовое. Сейчас они качают нашу нефть, наш газ и уголь, и всё остальное тоже наше и только нами самими. Здесь мы рабы и не имеем никаких прав, то есть не то, чтобы на свою нефть или газ, а на себя самих и своих детей. А сколько нас осталось? Не знаю... может, наберётся треть или четверть миллиарда. Кого это волнует, если хватает на добычу?

Люди наконец-то уравнились в правах. Нонсенс, но это, похоже, возможно, когда прав вообще нет. Когда все должны работать на чумов.

Есть несогласные с этим – маки (в честь когда-то бывших повстанцев). Они где-то прячутся, их мало, но они нападают, хоть и редко. Мы все с ними, но прекрасно видим, что сейчас ничего не можем сделать.

После завоевания чумы разделили всех несколько группировок по материкам, и уже там сформировали в несколько колонн. Самая крупная группировка Евразийская. Она состоит из четырёх колон: Иранской, Индийской, Китайской и Славянской (в последней все смещались, так что в некотором роде стало как прежде).

Гавриил Железнов (для чумов он 643075A2) являлся ко-

мандиром 381-ой рабочей сомы (на их языке «сома» – раб). В соме его звали не иначе, как «Гора». Иногда даже на прямую. Прозвище оправдывалось целым рядом причин: во-первых, его указание давалось всегда чётко и однозначно, во-вторых, его решение, по крайней мере внешне, нельзя было поколебать никаким доводами, в-третьих, сам внешний вид (выше двух метров, тяжелее сотни килограммов, а лицо.. лицо – сочетание морщин и складок, однако, не напряжённых мышцами), и, наконец, самое главное, постоянство его должности. На этом он стал легендой. Дело в том, что на должности А (командир, что пишется в конце порядкового номера) продержаться в течение пятнадцати лет было невозможно: в случае невыполнения плана убивали чумы, в случае выполнения – маки или те, кто с ними сотрудничал, а такие, почему-то всегда находились. Но Гавриил делал и то и другое с поразительно правильным чередованием. Одни оставляли его в живых, потому что считали, что он порой способен перевыполнить план. Другие, наоборот, надеялись на целенаправленную «халтуру».

Осталось отметить его «кровь». Его прадед участвовал в войне (название её дед отцу говорить не хотел), и дед участвовал в войне (название ей никто не давал), и отец участвовал в войне (конца её никто не видел). Несмотря на такой список, чумам было это неизвестно. Им было также неизвестно, что люди ещё носят имена и фамилии, заключают браки, хоть и всего лишь в умах, помнят прошлое и предков,

верят в Бога и в глубине души не могут жить без свободы. Их интересовал только результат, а изучение людей они считали недостойным их власти.

Работа. Теперь это значило буквально всё, и существовало это всё в понимании чумов, того, как они решат кормить и сколько разрешат поспать.

Рудник, буровая, шахта – все места обитания невольного человека.

381-ая сома трудилась на угольной шахте города Макеевка, Донбасс, вместе с 420-ой, 647-ой и 253-ей. Что из себя представляет работа на шахте объяснить нельзя, можно только почувствовать.

Мысли свободного раба

25-ое марта 2170 года.

Сегодня 381-ой коме досталась сортировка и очистка.

«Ну, что, выспался?» – пошутил Гавриил, подойдя к своему заместителю Константину Богатому (номер 5396413Б2; разряд «б» – заместители). Тот обрадовался такой шутке, потому что все остальные, какие он слышал, касались его фамилии.

«Знаешь... Как хочется полезть с тобой в драку», – ответил он двояко: за драку чумы убивали на месте, но это была лёгкая смерть.

«Мне воспринять это с положительной стороны?»

«И только с неё. Целыми днями думаю о смерти...»

«Хорошо. Даже отлично для начала рабочей недели. Что у нас планом».

Константин открыл свою дряхлую тетрадочку жёлто-чёрного (половина угля, половина глины) цвета и попытался что-то прочесть.

«Так. Если 420-ые осият 11-ать, а 647-ые 13-ать, то нам придётся чистить все 24».

«По поводу «выхода» договорились?»

«Выход» – это «левый» груз, о котором чумы не знали.

То есть его добывали, но нигде не прописывали – отдавали «чёрным» (по-другому «обречённые» рабочие, которых сажали в отдельные ямы с незначительным пластом угля и в трёх случаях из четырёх уже не вынимали оттуда; по настоящему спаслось лишь двое).

«Нет», – возвестил зам.

«Хорошо, я сам разберусь. Проследи за всем здесь. Я вернусь через двенадцать минут».

«Есть».

Гора двинулся в сторону 2-его пути.

Сортировочная представляла собой здоровенный зал общей площадью в 30000 квадратных метров (100х300) и высотой в 3 метра, чтобы чума было удобнее наблюдать. Кроме того, имелось электрическое (хоть и слабое) освещение в виде лампочек, прикрытых тонкой решёткой. Несмотря на эти «удобства» работать в очистительной было сложнее всего: чумы слишком хорошо видны. Каждый раз смотреть на эту ужравшуюся рожу, дышащую свежим воздухом через маску, слушать этот отвратительный смех, извергаемый жёлтой глоткой и бледно-зелёного змеиного языка и понимать, то это будет продолжаться бесконечно – это настоящая пытка.

Заходя за угол, командир оглядел помещение – пока пусто, лишь две будки чумов по сторонам; группы «А» и «Б» будятся раньше на пять минут для изучения плана.

Войдя в «зал угольного забоя» (помещение, где производилась непосредственная добыча), взору открылись две фи-

гуры: Доминик Бражик (номер 572644А2) и Петр Дожик (номер 323372Б2). Лица у них не мрачнели от тяжести поставленной задачи, но косились ото сна.

«Что, не спалось?» – поприветствовал шахтёров Гавриил. Он любил воодушевлять народ подобными репликами, пробуждая гнев и злобу в строго ограниченных количествах (и не важно было, на кого она выльется, главное то, что это поможет выжить). Сегодня чумы дали поспать всего 4-ре часа, в отличие от обычных 8-ми; вообще говоря, это единственное, с чем повезло людям – чумам сна требовалось 16-ать часов, и они считали об аналогии в этом с людьми, поэтому урезали время всего до 8-ми.

«Спалось. – шепнул Доминик подошедшему командиру – Эти сволочи помешали. Не в курсе, с чего сегодня такие сюрпризы?»

«Да тут не мудрено понять, – отозвался заместитель. – Осволочели они».

«Два сапога пара. Как им повезло работать вместе. – думал Гора. – Даже глаза одинаковые... Тёмно-голубые с искрой и ненавистью. И как это их до сих пор не поймали?»

«Что думаешь Гора?»

«Да что тут говорить... Козлы...»

Все дружно рассмеялись.

«От слов к делу. – продолжил Гавриил. – Я вот по какому вопросу...»

Их лбы напряглись, глаза засверкали, рты слегка приот-

крылись – словом задействовались все части лица, будто в ожидании удара молнии в чистом поле, где стоит лишь один человек.

«Выход».

«Ну, я-то думал», – мышцы расслабились.

«О том, о чём ты подумал, никому не говори. Ещё не время даже думать... А вот мечтать, в самый раз».

«Об этом все думают, и ты прекрасно знаешь».

«И чумы тоже», – тут Гавриила осветила. Он и раньше говорил эту фразу, но только теперь понял, какую силу даёт её осознание. Это шанс.

«Ну Выход...» – сказал Дожик.

«Это шанс. Это действительно шанс», – думал Гора.

«Килограммов 125, а...»

«Что?» – опомнился командир.

«Ты спросил про Выход».

«Ах, да. И?»

«Мы – 125, 647-ая – 80. Я уже поговорил, так что можешь не пробовать, говорят их сегодня сильно секут».

«Ещё не закончили работу и уже секут... – по наказаниям у чумов был целый устав – Хорошо. Мы организуем передачу», – ответил Гора и снова подумал: «Это ведь и правда шанс».

По возвращении командира на место сортировки сома начала работу. Но Гору сейчас это как-то не интересовало: впервые за свои сорок пять лет он увидел реальный шанс

освободить людей.

«Гора», – позвал Константин своего командира.

Тот в свою очередь «очнулся» уже в третий раз за день:
«Что?»

«Рафаил. Он решил выйти сегодня».

«Где он?»

Зам показал куда-то в середину зала, где за спинами и лицами, а так же, конечно, метановой пылью, которой был забит каждый уголок шахты, нельзя было разглядеть ровным счётом ничего.

После десятиминутного поиска молодой парень Рафаил (номер 97899213В2; категория «В2» – «серый» рабочий) был найден.

«Ты что, специально?»

Пять дней назад взорвался метан, и 381-ая сома потеряла троих убитыми и одного раненым. Этим раненым и был Рафаил: ожог второй степени на полруки. Гора выдал ему «отпуск» (за теми, кто не работал, чумы не следили, пока план выполнялся).

«Я уже здоров», – ответил парень, продолжая отмывать землю от угольков, не поднимая головы. Пузырёк от ожога лопнул, затем лопнул ещё один: прозрачная жидкость потекла в воду. Рафаил вздрогнул, затем затряслась рука, но головы он всё же не поднял.

«Перестань. Это приказ», – скомандовал Гавриил.

Рафаил остановился и поднял голову. Серые непроница-

емы глаза выражали спокойствие и сдержанность. Высокий лоб и поразительно белая кожа. Она казалась белой, несмотря на очевидную угольную грязь, покрывавшую её почти везде; и даже отдавала синеватым цветом. Гавриил видел в нём потомка ариев, которых считали удивительно развитой и гармоничной цивилизацией.

«Я не могу не работать. Ты же понимаешь это», – ответил парень и впился командиру в глаза своим тяжёлым стеклянным взглядом. Единственным человеком, способным «переводить» это взгляд, являлся Гора. Он часто наблюдал своим самым уравновешенным подчинённым и всегда видел в первую очередь печаль. Его глаза часто смотрели не на чумов, а на людей, занятых работой; они изливались кровью от того, что все трудности, пройденные людьми не приносят никакого толку. Глаза смотрели и страдали от чужого рабства. И сейчас Гавриил видел эти глаза; они хотели, во что бы то ни стало покончить со страданиями людей, в том числе и путём собственной жертвы – за это Гора очень любил своего сына, но смотреть на такой альтруизм было не в его силах.

«Рафаил, слушай мою команду. – перешёл командир на совершенно деловой лад. – Иди в сектор 1 (что-то вроде «людского дома» место отдыха после работы; тоже в шахте, на поверхность чумы выводили два раза в месяц примерно на полчаса) и спи. Не выходи оттуда неделю. Это приказ».

Сын Горы отвернул глаза и посмотрел на женщину лет пятидесяти, отмывающую уголь, в двух метрах от него: глаза

залились кровью, а на руке лопнул ещё одни пузырь.

«Есть», – ответил Рафаил и пошёл к 1-ому пути, ещё более, нежели раньше наклонив голову. Он никогда не хотел, чтобы о нём думали, как о ленивом или боящимся смерти человеке. И, хотя никто так и не думал – наоборот, негласно за сильный характер его называли «Скалой», а не «сыном Горы», как бы отделяя его, пусть ещё и не столь большие, заслуги от отцовских – даже его отец не имел такого стремления работать.

«И не забудь забинтовать руку», крикнул вдогонку Гавриил. Вдобавок к тому, что бинтов не хватало до ужаса (так мало, что приходилось мыть старые по несколько раз, пока они полностью не стирались), чумы ещё и запрещали их носить вне 1-ого сектора. Это входило как приложение к «Уставу об одежде», в котором нельзя было носить любые вещи, не имеющие отношение к работе, и шло перечисление этих предметов. А если что-то забывалось (так было в случае со Станиславом Лещинским, который надел цепочку с крестиком много лет назад; вообще говоря, их многие носили, лишь бы был, но заметили за этим именно его), то тут же вводилось, включая «первый случай» (Лещинскому отрезали голову, ведь именно на ней держался крест).

«Отличный у вас сын», – обратилась к Гавриилу та самая женщина.

«Да... Да...»

«Его невеста такая же, правда? Будто созданы друг для

друга...»

«Что? – Гора повернулся к женщине и, увидев её искренние и радостные глаза, спросил. – Какая невеста? Елизавета Михайловна, вы ничего не путаете?»

«Гавриил Владимирович. Как же я могу путать? Марией её зовут. Вы её знаете... Светленькая такая... ОН сам хотел вам сказать, но, очевидно, не успел...»

«Вот это да... А сколько они уже вместе?»

«Ооо... Давно. Она из 253-ей сомы. Когда мы сюда «переехали»? Три года назад, по-моему. Вот с тех пор они и вместе...»

«Вот это да», – удивился командир ещё раз, и не от того, что сын не сказал ему о такой вещи (это было нередким явлением), а о том, как долго он смог скрывать сам факт их любви.

«Что такое? Вы не рады?» – спросила Елизавета Михайловна.

«Да нет, скорее наоборот. И очень сильно... А как вы говорите её зовут?»

«Мария».

Гора уставился на неё выжидающим взглядом – нужна фамилия.

«Мария Волина».

«Понятно... Спасибо, Елизавета Михайловна. Здоровья вам», – вывел Гавриил и пошёл в сторону транспортного узла (4-ого, 5-ого и 6-ого путей), где происходила погрузка угля

253-ей сомой.

Теперь все мысли Горы ушли в семью. Он вспомнил, как познакомился со своей женой Еленой двадцать один год назад. Она тоже была не из его сомы, тем не менее, скрывать это от своего отца ему не удалось больше двух месяцев (это весьма ощутимый результат для ситуации, когда «свободное» передвижение таковым вовсе не является – чумы пропускают на работу, затем обратно, а ещё иногда наружу – вот и всё передвижение). Но три года?! Это настоящая конспирация... Хотя главным фактором обнаружения Гавриила в его связях с Еленой были сильные чувства – он жить ней не мог (именно прошедшее время, теперь приходится: Елена погибла от взрыва четыре года назад). Насколько это сравнимо с отношениями между его сыном и Марией Гора не мог определить – для этого необходимо было увидеть её своими глазами.

Войдя в сектор транспортного узла, Гавриил обозначил себе обозначил себе одну из сегодняшних проблем и рассчитал, с вопросом какого рода сейчас к нему подойдёт командир этого мероприятия – работа у 253-ей сомы сегодня уже не заладилась. Ясно почему: народ не выспался, да в придачу к этому вчера они непосредственную добычу; просто не осталось сил.

Гора двинулся немного от входа к углу помещения: оттуда открывался широкий обзор, собственно, на этой точке он

сам часто стоял во время смены своей группы.

Милая девушка на мгновение сверкнула глазами в его сторону, затем отвернулась, продолжив заполнять углём контейнер. Несмотря на свои блестящие золотистые волосы и довольно высокий рост она, в общем-то, не выделялась на общем фоне, но её взгляд уже всё выдал. Она посмотрела на него как на человека совершенно не знакомого ей лично, но в то же время знакомого вообще. Хорошо разглядеть её лицо с такого расстояния Гавриилу было сложно, и всё же оно казалось каким-то знакомым.

«Гора!» – послышался крик откуда-то с краю, сегодня все почему-то именно так его встречают: Георгий Волин, заместитель начальника 253-ей сом (номер 2536484Б2), заискрился от радости.

«Волин, ну конечно! – вскричал мыслями Гавриил. – Вот, чья она дочь. Что ж хорошо. У неё отличный отец. Настоящий актёр».

Через три секунды зам уже был рядом. «Аааа... – радовался он, обнимая Гавриила. – Рад тебя видеть».

Волин расслабил руки, отклонился суть назад, продолжая держаться теперь за предплечья Гавриила: «А мой шеф тебя заискался. У нас тут ража нет – явно невыполним план».

«Я думаю, это никому не в диковинку», – ответил Гора, пытаясь успокоить коллегу.

№Да-да. – Волин не переставал играть бровями. – Только вот сегодня мы всех удивим. Ха-Ха-Ха».

«Мне нравится твой здоровый оптимизм».

«Кто здесь может ещё быть здоровым?... Раз тебе нравится, бери меня к себе вместе с семьёй».

«И он, что тоже знает, – подумал Гавриил. – что мой сын скоро женится на его дочери?»

«Да я шучу! – он и правда шутил. – Без таких, как я, здесь люди умрут от потери чувства юмора... Правда, таких как я, здесь почти вся сома. Не находишь?»

«Вся наша колонна этим отличается».

«Вот, кстати, новый анекдот: «Шахтёр спрашивает другого: «Кого можно считать трусом?» Ответ: «Того, кто идёт добровольцем к маки».*1 Ха-Ха-Ха-Ха-Ха. И правда, здесь же только и дохнуть: дышать нечем, всё вокруг взрывается, а про еду и воду и говорить нечего», – в конце фразы он перешёл на серьёзный разговор и отрицательно помотал головой.

«Так вам чем-нибудь помочь?»

«Конечно, дружище, конечно. Вот и командир идёт. Поговори с ним, а я пойду подбодрю народ», – Волин отступил и, развернувшись, ринулся в сторону локомотива, нагружаемого минералами.

Гора повернул голову в сторону – командир сомы №235 Иван Дубровский (номер 547137A2) не излучал и половины оптимизма своего зама (хороший и действенный метод в контрасте руководства). Подойдя, он протянул и пожал руку, затем отвернул свои печальные глаза и проговорил: «Гавриил. Я тебя с начала дня ищу. Жора, тебе, наверное, уже ска-

зал... да и сам видишь. Работа сегодня ну просто не в гору... Извини за каламбур, но это так». Он тяжело вздохнул: «Гавриил, я слышал вашей команде сегодня чистить двадцать четыре тонны...»

«Верно».

«Сегодня мы больше восьми не осилим», – эти слова вырывались у него из сердца: что чумы делали с теми, кто выполнял план на одну треть можно себе представить (их норма – 75 процентов, за каждый невыполненный ниже этого процент два процента из состава сомы подвергалось наказанию в пять ударов камнями, с возрастанием несделанной работы число ударов доходило до десяти, и критическим уровнем были 25 процентов). Глаза Ивана уже наполнялись предстоящими смертями и осознанием того, что ни в его силах было это исправить.

«Не стоит преуменьшать свои возможности. Уверен, ваш результат от 8 до 10... Но неважно. Мы всё равно вам поможем. 14 тонн. Меньше нельзя».

«Четырнадцать?»

«Да, именно. Это максимум того, что до вас дойдёт сегодня. Даже, если они добудут все 24».

«Гора... Господи, ты просто нас всех спас».

«Поблаговаришь позднее. И не меня, а моих людей. Двадцати семи процентам из них получать по пять ударов каждый. Всего в моей команде сто восемьдесят три человека. Двадцать семь процентов это пятьдесят человек, то есть 250

ударов. Из них мои всего пять. Чего они стоят?»

«Да-да, Гавриил. Ну вы нас просто спасли...»

«Хорошо, хорошо. Об этом потом, иди лучше выжми максимум, в том числе и ради нас».

«Ещё раз большое спасибо, Гавриил...» – Иван тут же бросился вперёд, в труд.

Теперь представилась великолепная возможность пообщаться с Марией.

«Мария? – спросил Гора милую девушку.

Она повернулась: «Да... А вы, я думаю, Гавриил Владимирович».

«Да-да, совершенно верно. Могу я у вас кое-что спросить?» – Гора, как и любой уважающий себя начальник, умел и любил разбираться в формулировке предложения, как, например, сейчас. Распространено выражение «Могу я с вами поговорить» и производные от него, но он заметил, что слово «поговорить» не редко настораживает собеседника, поэтому в его интерпретации это обращение включают именно слово «спросить», которое, в частности, очень применимо к женщинам, любящим рассказывать о себе.

«Конечно можете. Только не хотелось бы отрываться от работы, – глаза её переполняла искренность. – Вы, скорее всего, уже знаете о том, что мы не укладываемся сегодня...»

«Альтруистка, но частично. Это хорошо. Будет превосходной мамой... и женой, конечно, тоже», – подумал Гавриил и сказал: «Ничего, по поводу этого вопроса вы можете не

беспокоиться. Наша команда поможет вашей... Вы понимаете, что я имею в виду».

«Честно говоря, не важно, кем бы вы были по рангу, но не знай я ваш авторитет – не поверила бы», – призналась девушка и прыгнула с вагона на землю.

Наконец, она стояла в шаге от Горы, и свет целиком освещал её. Ещё более милая девушка нежели раньше. Даже немного похожа на своего жениха, а глаза так вообще почти такие же: в них виднелась воля (причём внутренняя, до глубины души, хотя и другого характера), определённая непроницаемость (гораздо меньше, чем у Рафаила, и закрывала она чётко личные места, а не всё, что вообще интересовало), а так же отсутствие слабости (конечно, слабости есть у каждого, но и Рафаил, и Мария не показывали их, он по причине неуступчивости самому себе, она – нежелания показывать это другим, а, если что-то не получалось, у всех имелись «свои» выходы: У Рафаила – это молитва и самоубеждение, у Марии – злоба до определённых границ; она злилась, в принципе, по каждому поводу, при этом всегда исключительно на себя, что двигало вперёд, к достижению поставленной цели, которой она не могла не добиться). Кроме глаз примечательна была в ней мимика, при удачном «переводе» показывавшая её настроение, в том числе и к себе самой.

«Так, что вы хотели у меня спросить?»

«Вы не знаете одного парня... светлые волосы, вот вроде ваших, кожа такая белая, ну совсем былая, и ещё рука у него

в ожогах... левая?» – «коварно» спросил будущий зять.

«Рафаил? Вы о своём сыне говорите?»

«Да-да... А вы хорошо его знаете?»

«Ну, я почти всех здесь уже знаю... А насколько хорошо... ну, это уже не мне судить».

Гора чуть не свалился – Рафаил, что специально готовил её для подобных разговоров? Или она настолько восхитительно соображает? Да нет. Очевидно, и то, и другое.

Гавриил решил, что пора спросить напрямую: «Мария, вы любите моего сына?»

«Да... Очень люблю».

«Вы давно встречаетесь?»

«Нет, я бы так не сказала, но это не мешает мне его любить».

«А по времени уточните...»

«Три года... Чуть больше».

«Вы считаете, что в наших условиях, это «не давно»?»

«Я не знаю точно, о каких именно условиях вы говорите, но людям требуется много времени, чтобы понять друг друга... Особенно в таких условиях».

«Вообще говоря, вы правы. Я прожил с женой семнадцать лет и так и не успел до конца понять её. Вы правы. Здесь нужно много времени. Своего дома-то нет».

«Я рада, что вы меня поняли».

«Да... насколько я знаю, у вас скоро свадьба...»

«Да. Рафаил вам собирался сегодня сказать».

«значит... вам достаточно отношений для свадьбы».

«Я его люблю... И он меня тоже... Для меня этого более, чем «достаточно»».

«Тогда можете считать, что моё благославление у вас есть... Я желаю вам счастья...»

«Спасибо. Это лучшее, что я надеялась услышать от вас. Спасибо, Гавриил Владимирович».

«Да и... хотелось бы...» – Гавриил хотел сказать слово «внуков», как Марию вдруг вырвало. Легко, ни с того, ни сего. У Гавриила у самого была жена, ему не надо было объяснять, от чего бывают такие вещи – вопрос отпал сам собой.

Мария сразу встала на ноги, так что Гора только успел помочь ей, поддержав за локоть.

«Маша, родная, что с тобой?»

«Ничего, ничего. Всё хорошо».

«Можешь меня и не пытаться обманывать. У самого есть ребёнок. Так сколько это у тебя?»

«Месяц, вернее почти четыре недели».

«Ничего, не волнуйся. Это обычное дело... Я пойду, скажу Ване, чтоб освободил тебя...»

«Не надо. Всё в порядке».

«Надо. Ещё как. Я хочу здоровых внуков, так что никаких разговоров».

«Спасибо, Гавриил Владимирович. Я рада, что у меня такой свёкор».

«Я тоже тобой доволен... И одна просьба...»

«Какая?»

«Люби его всегда как сейчас».

Где свои и где чужие

Пока под землёй сомы вели работу прямо над шахтой восседало мнимое и фактическое начальства. Фактическим был чум Манхр. В его распоряжении находился весь Донецк и Макеевка в составе 24 сом, разрабатывавших 7 месторождений. Плюс 12 бур охраны и две буры специального назначения (главным образом против маки). Всего 3728 людей и 560 чумов. Как ни странно, но несмотря на всю брезгливость чумов к людям, они знали точное количество и раз в неделю проверяли их наличие. Помню как-то раз к маки перебежало аж целых тридцать восемь человек, так Манхр сам полез в шахту избивать сому, лишившейся тогда двадцати двух своих шахтёров, вместе с заместителем. После наказания она потеряла ещё восемь убитыми. Это был единственный раз, когда карак («карак» – заведующий группой в колонне) спускался под землю.

Сам Манхр от всех остальных в его должности ничем не отличался, кроме своего веса: подобные ему заедались до двухсот килограммов, он же всего до девяноста. Чумы это активно пропагандировали, объясняя симпатией Манхра и его желанием помочь людям путём постоянной, в том числе собственной работы. Правдой здесь был лишь вес (реальную причину знал весьма узкий круг руководства колонной, за-

ключавшейся в какой-то страшной и весьма редкой у чумов болезни; что касается «помощи», то говорили, что он приворовывал у своих, да в таких количествах, что можно было уже купить собственную шахту не меньших размеров).

Теперь власть мнимая. В её лице представлялся Павел Пожарин (номер 726629А1). Под землёй этого человека ненавидели больше, чем чумов, несмотря на то, что не от него исходили приказы бить их камнями. Маки ненавидели этого человека больше, чем кого бы то ни было, несмотря на то, что не от него исходили приказы на рейды по «дикому полю». И даже чумы, включая и самого Манхра, ненавидели его больше, и чем маки, и чем шахтёров, несмотря на то, что не он их убивал и заставлял находится на этом месте. Его ненавидел тот, кто не знал, а тот, кто знал, понимал, что он нужен. До него на этом посту не держались более полутора лет, он сидел уже целых десять.

В задачу номера с окончанием «А1» входил «основной» отчёт перед караком о проделанной работе, а также некоторые нюансы в бухгалтерии. Манхр при его помощи воровал. Шахтёры и маки видели в этом выгоду – раз он ворует себе, значит в империю идёт меньше.

Пожарин за свой «труд» получал привилегии: Во-первых, практически всё время А1 находился на поверхности земли, а не в её недрах, что позволяло ему, по крайней мере, дышать воздухом, а не пылью, переполняемой метаном, во-вторых, у него имелась возможность выбрать себе семерых

помощников из шахты, хоть он не брал ни одного, и, в-третьих, особые условия жизни: хорошая еда, больше времени на сон и так далее.

Всё это Манхр терпел, но в силу своих причин. Он ненавидел его за то, что то позволял ему слишком много воровать. Ведь Манхр – чум дворянского происхождения, и учили его с самого рождения любить и превозносить силу «Тёмного камня», Чумную Империю, свой вид, а он воровал у своих же. Стыд и алчность постоянно сталкивались в нём, и победу всегда одерживало второе чувство.

Всем этим за него восхищался Пожарин: структурой общества Империи, сверхъестественными способностями, преодолевшими некогда человеческую цивилизацию, физиологическим строением, и даже безгливостью к людям. Он пренебрегал людьми, хотя и был одним из них.

25-ого марта обстановка в группе Донецк-Макеевка изменилась: из центра прибыло сообщение (благо телефоны работали):

«Лично караку Донецка-Макеевки Манхру от броза Славянской колонны Блуха:

С отвращением сообщаю, что некоторое время ранее мне доложили, что вы, карак Манхр, занимаетесь казнокрадством и тайно перевозите добытое сырьё в дарованные вам территории Кубани, сектор 7. Свою причастность к этому отрицать не пытайтесь. От вас требуется в течение двух недель

возвратить Империи Тёмного Камня 264 тонны угля. Кроме того, уплатить 36 тысяч роков в качестве штрафа. В случае невыполнения данных требований у вас будут отняты звание, должность, земли и прочее имущество, а сами вы помещены на работу, к своим бывшим подчинённым, где и останетесь до конца дней».

Броз Славянской колонны Блук

После прочтения этого послания у Манхра задёргалось веко, затряслись пальцы на обеих руках, а зелёный змеиный язык вылез наружу и стал неподвижным.

Через полминуты в кабинет карака явился Пожарин. По правилам человеку нельзя было сидеть в присутствии чума – для категории А1 часто делалось исключение. Но в этот раз Пожарин, когда он увидел гримасу на морде своего покровителя, мысли об этом выпрыгнули прочь из его головы.

«Я точно должен тебя поблагодарить! Раб!» – взревел чум.

Пожарин опустил свою широкую голову и уставился в пол.

«Не знаешь, за что?!»

«Не, господин, не знаю».

«Ааа... Не знаешь... А, что мне грозит за это, знаешь?» –

Манхр встал из-за стола и подошёл к «своему виновному».

«Нет, господин, не знаю».

С широкого мерзкого размаха Манхр засадил ладонью в «противника». Пожарин отлетел в сторону, к стенке, и, согнувшись, свалился на пол; он хорошо знал, что попробуй он

встать, получил бы ещё раз. Спорить с чумов бесполезно – они не способны признать свои ошибки.

«Голову мне скрутят, вот что сделают! Мне! Мне, Манхру, скрутят голову! Слышишь, раб?! Мне! Манхру! Слышишь?!» – Манхр подошёл к лежащему и, что было сил, пнул его ногой. Затем ещё раз. И ещё раз.

«Слышишь, раб? Слышишь?» – карак вошёл в истерику. Он не мог поверить, что такое вообще происходит. Это же просто невозможно. Не его должны судить – другого. Тридцать пятый год он заведует этой областью, к нему никаких претензий, и тут вдруг вот тебе.

После ряда ударов различной силы и эмоциональной окраски Манхр отошёл от полумёртвого всеми ненавистного номера 726629A1 в сторону окна и устремил свои взоры вдаль. И в первый раз в своей разрушительной лживой жизни он объективно взглянул на небо. Имперская пропаганда без тени сомнения изображала Земное Небо как какую-то природную ошибку: в их мире Небо фиолетовое. Теперь это не казалось догматом или вообще весомым утверждением. Манхр впервые смог почувствовать своё «я», уже отделимое, хоть и на незначительное расстояние, от Империи. У него сформировалось собственное мнение.

«Собственное мнение? – подумал карак. – Что оно представляет без всего остального? Ничего. Нет... Представляет. Это ведь я. Манхр. Но теперь я отдельно... Чушь. Как кто-то может быть отдельно? Это невозможно... Возможно. Так

живут, например, маки... Да нет. Это люди. У людей всё не так. Они ведь люди. НЕ мы. Мы лучше... А почему?.. Почему мы лучше?»

В голове у Манхра что-то застряло, потом остановилось и всё остальное. Встал весь механизм. И всего-то из-за одного банального вопроса «Почему?».

Чум обернулся и посмотрел на всё ещё лежащего Пожарина: «Чем я лучше него? Да это бред! Это кусок отбросов ни на что неспособный. Конечно, я лучше его!... Его да, но людей-то ещё миллионы... Сейчас они работают. Спят всего восемь часов. Они переносят такие условия... Я бы так не смог... Но почему мы тогда победили их, если они сильнее?»

Манхр уселся за стол и, наклонившись вперёд, зажал голову руками: раньше размышлять ему не приходилось, раньше он думал только о деньгах. Перед ним встала дилемма: с одной стороны пришла мысль о превосходстве людей над чумами, с другой – он точно знал, что люди проиграли войну. Совместить две эти вещи Манхр не мог, а отменить какой-либо тезис просто не представлялось возможным. Второй тезис являлся чуть ли не неопровержимым фактом. А первый настолько запал в душу, настолько казался очевидным, что заставлял в прямом смысле подбирать аргументы в свою пользу.

«Слышишь, раб?» – не отодвигая рук от головы, спросил Манхр.

Тяжело переворачиваясь с живота на бок, Пожарин от-

крыл рот и попытался издать какой-то звук, но не смог – не позволило дыхание, оно было слишком тяжёлым. Манхр сломал ему три ребра.

«Говори!» – руки у карака оставались в прежнем положении.

Номер А1 что-то промямлил и сразу закашлял.

«Кто сильней? – Манхр говорил громко и грозно, как обычно. – Скажи мне, кто сильней? Мы или люди?»

Не видя вариантов, Пожарин открыл рот и, согласно кивая, попробовал ответить.

«Не смей мне врать! Подумай, прежде, чем ответить. Подумай! И скажи, кто сильней?»

Ответ вылетел быстро чётко и из последних сил: «Чум!!!»

Глаза Манхра отвернулись в сторону, руки убралась с головы и поместились на подоконнике: «Ты врёшь мне. Я знаю. Вы все вдали мне, всё это время... Но ничего. Я не буду тебя убивать... Ладно. Иди и заставь всех работать. Сегодня план надо перевыполнить в два раза. Иди и скажи это всем».

Чум развернулся в сторону окна и снова посмотрел на Небо: «Не знаю, насколько сильнее люди, но Небо их в сто раз красивее нашего».

То же 25 марта.

После разъяснения всех дел: семейных и рабочих, Гавриил, наконец, приступил к руководству очисткой. Задача состояла на редкость сложная – очистить не больше 12 тонн.

Ах, какое сложное слово «не больше», и что оно значило для шахтёров. Им необходимо попасть именно в эту цифру: больше – и 253-я сома всем прикажет долго жить, меньше – всем прикажут долго жить они сами; остальные идут по немного другому расчёту, но всё же им, скорее всего, тоже достанется.

Раньше уголь очищали автоматически – выкладывали на конвейер, вдоль которого располагались распылители с водой, это нужно, чтобы не сгущался метан: он проникает в лёгкие, а может и взорваться. Сейчас использовали руки. Всё долго, и дышать нечем, и работали все, и умирали со временем от этого все.

Командир находился где-то в середине зала, когда к нему подошёл зам Богатый: «Командир, срочное дело».

«Что ещё? Кто-то из чумов рискует не выполнить план по побитию нас камнями – надо помочь?» – Гора посмотрел на своего помощника взглядом, характеризующимся фразой «надо будет помочь в этом – поможем в этом, лишь бы наших стариков не трогали» (только старики держали их от «перебегания» к маки).

«Коля. Чёрный рабочий. Мне сказали, что у него есть, что сказать...»

«А у кого из нас нет?»

Николай Земляков (номер 52436483С3) один из всего лишь двух чёрных рабочих 381-ой сомы, вторым был Сергей Черноусов (номер 77242388С3).

Чего он мог сказать – «выход» ему подготовили царский – 20 килограммов. Ему много?

Тем не менее спустя семнадцать минут Гавриил стоял у ямы: «Звал, дружище?»

Яма глубиной в шесть метров казалась каким-то бесконечным пространством, что туда можно было закидать весь добытый за месяц уголь, на самом деле оттуда несло гнилыми разлагающимися трупами бывших рабочих: и сколько там ни погибало их, места меньше не становилось – трудно поверить в то, что тела мёртвых могут так легко складываться в ничто..., но это так. Внутри шахтёры привыкали довольно быстро, но те, кто выходил оттуда живым, рассказывали, что даже после целого трудового дня первой недели невозможно заснуть, а потом страшно просыпаться, в костях своих товарищей и дальше продолжать работу.

На деле «выход» им «закидывали» по десять-пятнадцать килограммов в день, а затем почётно вытаскивали перед чумами, записывающими «плюс» себе в тетрадочку. Но сколько мы они ни записывали в день, еды всё равно почти не давали, так что в случае спасения такового, труда достать его и вовсе не составляло. Одни кожа да кости; рёбра видны настолько сильно, что кожа, покрывающая их, складывалась между ними; руки после этого почти не двигались в течение пары дней, болезнь эту называли «синдром Жизни», оттого что больной не совсем осознавал, что он жив, он словно рождался заново; лицо выпирало скулами вперёд и особен-

но в подбородке из-за почти обессилевших мышц. Но всегда присутствовал один неувядающий до смерти фактор – глаза. Они блестели огненным блеском, и никто не понимал, то ли от радости, то ли от горя невозможности умереть.

Сейчас эти глаза блестели, но тем огнём, который возникает так резко и хочет так много, а при неполучении этого быстро затухание уходит, забирая с собой того, кто его носил. Это Огонь Свободы.

«Командир, ты не поверишь...» – Николай смотрел вверх, раскрыв рот. Внутрь летела пыль, но похоже это не имело никакого значения.

Гора заметил то, что он видел только у тех, кого сейчас не было в живых, кто уже погиб: «Раз ты так думаешь, спорить я не буду...»

«Командир, это..»

«Угу».

«Что я нашёл..»

«Ох, что же ты нашёл», – Гавриилу уже нравилась эта тягомотина.

«Оружие».

«Что?»

«Оружие. Командир, здесь куча оружия... Просто, даже не знаю, как сказать...»

«Хорошо. Закинь что-нибудь на подъёмник, я подниму», – командир готов был увидеть что угодно; люди в этой яме с ума сходили десятками.

Внизу что-то загремело, после чего Гавриил начал крутить лебёдку.

Спустя полминуты верёвка поднялась до нужного уровня: на подъёмнике лежал АК-74.

Гавриил осмотрелся по сторонам: чумов нет.

«И много у тебя такого?» – спросил он внизу.

«Сам не знаю... Но, похоже, целый склад», – послышался ответ несколько задумавшегося человека – видно, и правда не знал.

«Подожди, я скоро», – бросил вниз Гора и, отложив автомат в тень, пошёл в очистительную.

Через три минуты командир, придерживаемый Константином, опускался на дно ямы. Теперь ему уже казалось, что там не так темно и сыро, но разложениями воняет сильнее, и мнение по поводу пищи изменилось: как бы это ни странно, но здесь в яме, почему-то захотелось есть.

В самом низу стоял Николай, уже успокоившийся, но всё же столь же желающий «свободного воздуха», с киркой в левой руке и ещё одним АК-74 в правой.

«Они же ведь жаждут этого. – подумал Гавриил. – Они устали быть рабами... Э то не один измученный человек, это все мы... все мы сейчас в его лице... Здесь все уже просто-таки бредят войной... Да мне же самому уже всё это снится... Вот, например, сегодня. Сон о том, что к нам спускается Манхр. Подходит ко мне. Смотрит прямо в глаза. А потом падает на колени со словами: «Прости нас, мой гос-

подин. Сохрани нам жизни». И все, все чумы делают тоже самое... Боже, мы ведь должны быть свободными».

«Командир?» – спросил Николай, подойдя к Гавриилу. Тот сразу пришёл в себя, признавая себе самому, что это вошло в привычку, и ответил: «Ну, Коль. Давай, показывай, что у тебя тут».

Тот помахал автоматом назад и отошёл в сторону... Куча, просто куча оружия виднелась из проделанной в грунте дыре.

«Гхмг... – сказал Гора. – Ладно, возьмём пять штук с собой. Остальные оставим здесь – чумы сюда всё равно не спустятся...»

«И всё?» – Николай обалдел и, очевидно, многое напланировал, так что такой ответ его сваливал наповал. Теперь его можно было обмануть, либо убить – что он задумал, он уже не мог не сделать.

Гавриил выбрал первое: «Нужно подготовиться. Я обещаю, мы восстанем, но для этого нужно время. Потерпишь? Ради меня».

Авторитет настолько сильный харизматический, с таким никто поспорить не мог, а, если уж он что попросил, уважение заставит сделать. Гора, он как отец.

«Командир», – слышалось сверху от Константина.

«Что?» – голос принял обычные не столь «харизматические» формы.

«К нам пожаловал А1. Сам».

Пять минут, в течение которых Гора добирался до второго сектора, вылились в глубокие раздумья: народ и правда нуждается в свободе как в солнечном свете, который тоже не разрешают видеть вдоволь, и самое главное – когда-нибудь он это получит. Гавриил, не переставая, привязывал ко всему этому сына и невестку: так хочется, чтобы они были свободны, а его внук и вовсе не знал рабства.

Сектор номер два – это канцелярия. Здесь всё считают, всё докладывают, а для отдельных совещаний, коих было ну совсем мало (А1 действительно редко спускался вниз – дышать трудно для непривыкшего), было отдельное помещение, хотя и целиком пустое.

К приходу Гавриила со своим замом все остальные были уже на месте, включая и самого Павла Пожарина. Все, кроме А1, уважительно кивнули, Волин даже, улыбаясь: всё-таки приятный мужик.

«Ну вот, когда все собрались, я могу сказать, в чём дело... – всем было видно, насколько трудно ему говорить, и как он жадно хватает воздух. – Я готов взять с собой наверх десятерых ваших людей. Я ошибался в них. Чумы – сволочи, они должны умереть. Они...»

Первым не выдержал болтовни Доминик: «Ты бы лучше объяснил, что сегодня происходит. Мои пашут как проклятые, а на ночь им не дают поспать и выгоняют на работу. Нам нужен отдых. Это что, нужно письменно объяснять?»

Разумеется, масла подлил его зам Петр: «Им не письменно надо объяснять, а в практической форме. Меж глаз бить надо!»

Голушко и Прескович, командир и зам сомы №647, дружно матернулись, но по делу.

«А нам сколько грузить прикажешь? Двадцать четыре тонны? – недоумевал Дубровский. – Ты эту цифру понимаешь? Или это кто-то пошутил?»

«Не... Они лишены чувства юмора. – вмешался Георгий. – Я им уже пытался потравить пару анекдотов. Подумали, что я спятил... А анекдот про Штирлица, могу сейчас рассказать».

«Это Манхр. – попытался остановить натиск в свой адрес Пожарин. – Всё он».

Волин рассмеялся от чистой души: «Да нет, Штирлица звали Макс фон. Только он русский... В общем, тебе не привыкать к таким тонкостям. Только вот он был русским от рождения. А ты стал чумом уже в процессе». Остальные, кроме Горы, высказали Пожарину в кратце всё, что о нём думают. «Кратца» хватило, что тот пожелал испариться – правду можно долго не пускать, но, если она уж вылезла, обратно не вернётся.

«Поясни, чем он виноват?» – после слов Горы все замолчали.

«Ему... Ах, ему... – Пожарин застрял от колен до шеи. – Ему пришло сообщение от броза. С обвинением».

Поскольку каждое слово выдавливалось как признание, а ждать мало кто хотел, Доминик начал подбадривать его возгласами «Молодец», «Ну», «Давай ещё», «Не сдавайся», «Вперёд».

Получилось вот так: «Ну, ну, вперёд. – В коррупции. – Молодец. Давай ещё. – Ему сказали, чтобы... эээ... – Давай ещё. Не сдавайся. – Чтобы он вернул. Всё вернул. – Ещё. Ещё! – Вот и всё. – Ну, нет».

Под конец безумной речи Доминик изобразил крайнее недовольство, а Петр, сложив губы, сочувственно покивал головой.

«Да надо его замочить», – как бы делая вывод, из своей части диалога, сказал Доминик.

«Да он не жидец», – вывел его зам.

«Мне он тоже надоел», – подтвердил Дубровский.

«А может...» – начал было говорить А1, но тут ему помешал Голушко: «Заткнись. Тебя не спрашивают», – по-другому, как не стыдно признаться, язык не поворачивался сказать.

Пожарин заткнулся. Посмотрел на свою нашивку, где белым по чёрному был вырисован номер, в конце которого стояли символы «А1», и вот так вот заткнулся. Он мог прямо сейчас вызвать охрану, как он раньше уже делал, и сказать им расстрелять любого за неподчинение ему, неследование иерархии, что в чумной империи было сродни ереси, мыслях об убийстве карака, которые, хоть и он подал – чём угодно;

ведь его послушают, он «А1», выше их. Но он не сделал этого. Не смог. Он видел их лица: исчерневшие, грязные, напряжённые от беспокойства за своих подчинённых и знал, что его лицо не измучено, не испачкано и на самом деле не заслуживает таким быть. Пожарина никогда и не любили, а он, зная это, восторгался чумами, которые его ненавидели, даже больше других людей. А когда чумы отвернулись от него, показали, что он для них инструмент, он решил «поменять сторону». Но кому такой человек, кроме мамы, нужен.

Сейчас в кабинете почти все были недовольные, полусонные и злые от этого. После тяжёлой работы они поспали всего три часа.

Попробуйте разбудить человека, а потом спросить о его отношении к вам в данный момент времени – если это не ваш ближайший родственник, то, скорее всего, ответ последует «негативный». Разбуди медведя раньше времени, и он станет ходить по округе и убивать всех, кто попадётся, и не потому, что он такой плохой, а потому что нарушили его режим. Нарушили режим – нарушили систему. Нарушили систему в одном месте – нарушили везде.

Присутствующие же заведовали ещё и несколькими сотнями людей, о каждом из которых они не переставая думали.

Пожарин отлично чувствовал всё это, особенно сейчас, когда оказался с ними наедине. Наедине реальность сама, без вызова, лезет наружу.

После двухминутного восклицания всех, кроме Гаврии-

ла , по поводу происходящего всё приостановил Волин вопросом: «Гора, а ты что молчишь?»

Гавриил взглянул на Доминика: «Ты прав. Его надо убить».

Командира 381-ой сомы здесь все знали прекрасно, и ещё лучше знали его наставления по поводу того, что чумов сейчас убивать нельзя, ведь за каждого из них убьют десяток наших, ужесточат режим и ещё Бог знает чего; такого ответа никто не ждал.

«Ты что, решил сменить свои позиции. Или это волинский юмор», – спросил Дубровский.

«Нет. Позиции те же. – продолжил говорить Гавриил. – Но Манхр сейчас для нас опасен. Потому что он один, без империи. Но только сейчас. Пока не расплатится с долгами. И только сейчас его можно убить».

Как ни удивительно, но противить ему стал самый ярый сторонник «убийства врагов без разбора»: «Он же чум. Он один из них. Когда мы убьём одного из них, они убьют десяток нас. Ты же сам говорил».

«Говорил. И не отказываюсь от этого... Но сейчас он не один из них. Сейчас он один. А когда мы убьём его, они заберут его имущество и упокоятся на этом. Он же вор. Кто захочет за такого мстить. А чтобы к нам уж совсем не было вопросов, привлечём к этому маки».

«Всё бы хорошо. – продолжил спрашивать Петр. – Но как ты убедишь ещё и их. Если бы им было это надо – давно бы

сделали».

«Это уже моя проблема... Сейчас мне нужно трёх человек на поверхность, а Манхр к 27-ому числу будет мёртв».

Кто о свободе, а кто о жене

Вернувшись в первый сектор, Мария помимо восьми престарелых людей заметила своего жениха с уже замотанной бинтами рукой. Рафаил в это время читал что-то коричневатого цвета.

Мария медленно подошла к нему сзади и, сев на колени, прикрыла его глаза ладонями.

Рафаил не стал высчитывать варианты вероятности возвращения кого-либо в «зал отдыха» (или просто «спальню», как его все называли), вдыхать и распознавать запах и нежность рук, а просто сказал «Мария». Любимые чувствуются сердцем, а не органами чувств.

Они обнялись и на мгновение забыли о том, что вокруг ещё что-то есть. Но лишь на мгновение, больше не смогли: вокруг всё слишком мерзко и противно.

«Как твоя рука?» – спросила Мария, поглаживая ряд бинтов, намотанных от локтя до пальцев.

«В порядке», – ответил Рафаил и погладил её по косе, свисавшей с головы и до середины спины.

«Да знаю я твоё «в порядке»... Болит?»

«Да нет, любимая, не болит?.. Тебя сюда мой батя отправил?»

«Да».

«Ты ему сказала?»

«Он уже знал, когда пришёл ко мне. Я только подтвердила. Не надо было?»

«Надо, надо, Маш... Про ребёнка сказала?»

«он сам понял... Меня прямо перед ним вырвало...»

«О, а ещё меня спрашиваешь о здоровье».

«Любимый. При беременности это обычное дело...»

«Да я знаю, но всё равно».

«Вот всё равно, Гавриил Владимирович меня сюда и отправил».

«Дошла без приключений? Из вышки не интересовались?»

«Нет. Они там спали».

Рафаил немного посмеялся, потом ответил: «Это ж надо, кому мы проиграли».

«Знаешь, я подумала... По-моему, ты слишком много об этом думаешь...»

«Маш, об этом все думают».

«Да, но ты по-особенному... Вот, что ты сейчас читал?»

«Рафаил не хотя протянул ей книгу. «Терроризм XX века».

«Ну и что это?»

«Тут же написано».

«Да я вижу... Любимый».

«Что?»

«Я боюсь за тебя».

«И я боюсь за тебя и не хочу, чтобы ты жила здесь».

«И что ты предлагаешь?.. Мы же не виноваты, что всё так.

Нам просто надо это пережить».

«Нет. Хватит это переживать. Мы уже четвёртое поколение только это и делаем. Пора всё изменить».

«Любимый, пожалуйста, не делай этого. Ты же знаешь, чем заканчиваются восстания. Пожалуйста, любимый, не оставляй меня... У нас же скоро будет ребёнок. Подумай о нём. Пожалуйста... Не иди умирать», – Мария говорила это от той части сердца, которым можно говорить только с тем, кто дорог тебе больше, чем любой другой на свете; вот уже пять дней она видела его как-то по-другому, не знала как, но точно по-другому, и не было ничего, что было бы страшней этой формы.

Резиденто-диссиденто

Что из себя представляет «несогласны» с чем-то человек, проживающий у себя «дома», представить нет проблем – как правило, внешне от «согласного» он ничем не отличается; может, он даже мыслит так же, только в «другую» сторону.

А вот, если этот «несогласный» взял в руки оружие, и не потому, что он так привык, а потому что его довели до этого, облик его меняется до «неопределённой узнаваемости». А значит это следующее:

Первое – сбежавшие рабы (причём из совершенно разных мест: лесопилка, шахта, буровая – всё, что угодно), становящиеся самими собой в рамках свободного бегства;

Второе – люди из разных мест, в основном прибывшие по одиночке, входящие в состоявшуюся там субкультуру, при этом приобретая те качества, о которых они раньше могли и не думать;

Третье – убежав из рабства, люди, попадающие под воздействие нового себе незнакомого харизматичного лидера, стремящегося к одной единственно верной, в первую очередь для него самого, цели – свободе всего без исключения человечества.

В целом, все отдельно взятые группы маки объединены на энергетиках определённых лиц – лидерах. Не мало было слу-

чаев, когда по смерти лидера группа разваливалась, и уже отдельные частички вливались в те, где находился «похожий» лидер: собственно, в основном, народу, если он народ, а не развязная на политике масса, всё равно какого роста глава, и какие у него взгляды на устройство Мира, лишь бы вёл к той цели, которая для них жизненно важна – освободить Землю от чумов.

Так было с группой «Волк», которая не так давно вошла в группу «Богдан Хмельницкий». Теперь общая территория давления этого объединения распространялась на всю бывшую Восточную Украину плюс Курская, Белгородская, Воронежская и Ростовская области.

По поводу их лидера Виктора Хмельницкого разговоров ходило не мало. Во-первых, был ли он потомком национального героя Украины, в честь которого и назвали группу. Во-вторых, откуда он сам, то есть из какой зоны добычи и какого рода занятия. В-третьих, какие контакты у него налажены и существуют ли они вообще.

Ни по каким поводам Виктор диалогов не вёл, а третий пункт и вовсе вызывал у него недоумение. «Да каким же я буду дураком, – резко, но спокойно отвечал он. – если расскажу про свои связи. Или вы считаете чумов откровенными бездарями, неспособными подкинуть в нашу группу агента? Нет... Даже, если бы это и было так, говорить об этом всё равно было бы глупо».

Выступал он перед повстанцами часто, каждый раз прида-

вая им сил одним только своим выдержанным и твёрдым голосом, отлично сочетавшимся с его рослой фигурой и невозмутимым лицом.

Вот краткий пример его речи (2 июля 2168 года, после нападения на ж/д состав, перевозивший 22-ую имперскую буру чумов):

«Три часа назад я отдал приказ атаковать состав чумов, направляющийся из Волгограда в Донецк. Спустя час я наблюдал, как тридцать пять наших братьев дрались за свободу. Сейчас они мертвы. Мертвы все до одного. Но свободны... Господь дал на эту возможность. Так или иначе, оставаясь в живых или погибая, но сражаясь мы всё равно будем свободны.

Наши братья погибли как герои, сражаясь за свободу... наших родных, умирающих сейчас на шахтах и рудниках. Я никогда не скрывал от вас правду. Не сделаю этого и сейчас... В результате нападения погибло всего два чума. Всего лишь два... Да, кто-то скажет: «Наши братья умерли за ерунду. Они убили всего двоих». Но это не так. Потому что это война. И на войне без потерь не победить. И без больших потерь не будет больших побед – в прошлую атаку, потеряв троих, мы уничтожили сорок. И это не единственный пример.

Преуменьшать цену сегодняшних потерь значит быть слепым. Одним из убитых чумов был Руминхр. Все его знают? В первую задачу этой группы я поставил его уничтожение.

И они сделали его. Владимир Краснов, забравшись в состав, подорвал его вместе с собой. Наш брат погиб, но выполнил задачу. Кто теперь скажет, что подвиг тридцати пяти сынов Земли ничего не значит? Мне, как и всем вам, жаль погибших. Но эта операция была нужна как воздух... Наше время скоро придёт. Погибшие дети Земли приблизили её как никогда близко, и мы не забудем как их жизни, так и их смерти.

Не смотрите на цифры. Они ничего не значат, когда свобода так близка».

После этой речи повстанцы поверили в Победу не только из-за харизматичной личности Хмельницкого. В его речи прозвучало имя Руминхр. Это один из лучших специалистов Империи Чёрного Камня по организации безопасности и обороны. Таких чумов по пальцам одной руки пересчитать можно. Если бы он прибыл в Донецк, сектор превратился бы в крепость.

Вечером 25 марта 2170 года Виктору прибыло послание от одного из командиров сомы, работающей в группе Донецк-7 по новому ещё, только что созданному каналу («нитка»).

После приказа изучить «нитку» Виктор принялся за сообщение:

«Лично и строго секретно Виктору Хмельницкому.

Я, командир сомы, решил довести до вашего сведения ряд следующих факторов.

Первое. Активное казнокрадство карака нашей группы

Манхра раскрыто, и к нему пришло требование возвратить украдено сырьё и выплатить штраф. По нашим данным средств у него не хватает, поэтому вместо штрафа он намерен уничтожить группу маки, по всей видимости вашу.

Далее. Для увеличения добычи угля Манхр сократил время отдыха всем нам до четырёх часов.

И, наконец, самое главное. Он предвидит восстание, поэтому, по сведениям наших источников, вызывает в группу Донецк несколько дополнительных бур.

Своё имя я назвать не могу по понятным причинам возможности перехвата данного письма».

«Саня!» -позвал лидер своего помощника. Тот явился спустя пятнадцать секунд.

«Саня, завтра к утру мне нужна вся информация о Манхре. В том числе и о его разногласии с Центром. Второе. Вызови мне Орлова».

Василий Орлов, командир спецотряда ликвидации, прибыл спустя сорок шесть секунд.

«Вася, тебе особое задание. Собственно, как всегда. Завтра у тебя весь день на подготовку. Если после завтра я отдам тебе приказ, Манхр должен быть мёртв».

Наверх из 381-ой сомы отправили троих: Евгения Севера, Сергея Большакова и Ивана Тихомирова. Особую надежду Гора возлагал на последнего. Этого человека он готовил уже довольно давно (порядка семи лет) и особенно тщательно.

Именно через него и прошло то письмо Хмельницкому.

26 марта Тихомирову поручили работу в качестве уборщика главного коридора. С одной стороны вроде ерунда, с другой – коридор-то главный, и, если взять в расчёт содержимое, например, всего лишь мусорок, картина меняется на противоположную.

Сам коридор оказался настолько длинным, что к середине дня отмыть его удалось только на три четверти.

В 15:32 проходящий по коридору человек остановился в двух шагах от Ивана и шепнул в сторону, словно и не ему: «Я от маки. Хмельницкого. Надо связаться с вашими».

Время для подобных разговоров смотрелось как нельзя лучше – ровно полчетвёртого дня чумы шли уходили на обед вплоть до пяти.

На самом деле этот человек мог оказаться аж одним из четырёх, и это минимум.

Вариант номер 1.

Самый что ни на есть простой и провальный. Он служит имперской службе по защите Чёрного Камня (СЧК).

Вариант номер 2.

Он занимается самодеятельностью, то есть хочет сдать кого-нибудь чумам за возможную помощь или вознаграждение (мало кто знал, но таких чумы после получения информации, как правило, расстреливали вместе с обвинённым;

исключения были в тех случаях, когда их использовали по несколько раз, но потом всё равно убивали – ну у кого же предатель может вызвать симпатию?)

Вариант номер 3.

Его послал кто-нибудь вроде Горы из шахты, чтобы проверить подготовку или что-либо в этом роде.

Вариант номер 4.

Он и правда является тем за кого себя выдаёт.

Первое, чему учил Гавриил своего ученика при возникновении контакта, так это ни в каком случае не «играть свою роль» сразу, то есть проверить и определиться, прежде чем выполнять истинную задачу.

«Лучше упустить какую-нибудь информацию, чем завалить полсети на пустяке», – говорил Гавриил.

Так Тихомиров и поступил.

«По-моему, – ответил Иван. – ты обратился не по адресу».

«Да как не по адресу? Слышь, там все зашумели. Говорят тяжело будет...»

Гавриил не вылезал из головы со своими наставлениями: «Постоянно. Постоянно пытайся определить, с кем ты говоришь. Порой даже не важно, на чьей он стороне, главное каков он сам. Может, он слабак... Ну что стоит заставить слабака поменять сторону? А, если он силён духом, смотри, на-

сколько он твёрд в своих собственных убеждениях. Какова его степень доверительности. Где его черты предела... Всё это, конечно, придётся чувствовать, иногда на анализ нет времени».

С первого вида незнакомец весьма неконтролирующим себя человеком и не знающим свои собственные желания. Но после второй фразы почувствовалась его натренированное умение оказывать давление путём постановки собеседника перед немедленным выбором.

Единственно, что безошибочно сейчас мог Тихомиров, так это уходить от ответа благодаря занижению собственной значимости: «Я же сказал. Я ничего не могу. На шахте я никого не знаю... Знаю чумов и их беспокоить уж точно не хочу. Спроси кого-нибудь ещё».

«Да кого ещё-то? У меня срочное дело».

«Ну у тебя срочное дело, а мне надо пол мыть. Ещё куча работы. Дай Бог справиться».

«Короче, да или нет?»

СЧК. Он оттуда и это точно. Во-первых, он совершенно не беспокоится в данный момент времени, как будто это игра, а не вопрос жизни и смерти. Он под носом у чумов, которые разорвут его, если что, а чувствует себя раскованно и непринуждённо. Главное именно раскованно, словно знает, что из-за угла сейчас никто не выйдет, его не убьёт или ещё чего похуже, словно он делает то, что ему официально разрешено. Иван на своей работе должен мыть пол, а он вести

разговоры о восстании.

Тихомиров теперь даже ощутил тот падальный тусклый запах, который от него исходит, и решил наконец полностью избавить врага от подозрений: «Нет, я уже сказал. Хочешь быть расстрелянным, можешь им быть, но без меня».

Незнакомец усмехнулся и, плюнув в сторону, пошёл прочь.

В середине дня Гавриил Железнов получил письмо от Хмельницкого по наружному каналу, а именно через Большакова. Ему не стали, как Тихомирову, задавать наводящие вопросы, а сразу сунули посылку. У маки есть свои хорошо осведомлённые люди в самой шахте, и кому можно доверять им известно заранее.

Гора распечатал конверт без записей на лицевой стороне и увидел отнюдь не чисто оформленный документ (маки специально пачкали подобные вещи, чтобы сбить с толку чумов; в этот раз он был заляпан коричневой землёй и немного опилками, совсем чуть-чуть, и экспертиза показала бы, документ писали в районе города Красный Луч, на самом деле землю из разных мест носили с собой, надо-то немного – хоть малый, но всё равно обман противника).

«Секретно. От маки.

До меня дошло ваше письмо. Не буду скрывать, его содержание меня очень заинтересовало и даже взволновало. Поэтому я думаю, вы поймёте мою к вам просьбу предоставить

конкретные подтверждения.

Надеюсь на вашу поддержку.»

Комбинация Горы и заключалась в том, чтобы не предоставлять никаких доказательств своей версии. «Пусть там испугаются до смерти. – думал он. – Обычно в таких ситуациях всплывают такие факты, которые по своей сути ничего не значат, но в совокупности приобретают ясную и ощутимую форму».

В ответном письме Гавриил сослался на сложность получения «дополнительных» подтверждений, а отказ в предоставлении уже имеющихся у него мотивировал возможностью раскрытия своих людей. Разумеется, всё это ерунда: никаких фактов толком нет, а «своих людей» всего трое, да и они совсем не глубоко в системе.

В 16:48 Тихомиров, продолжая мыть пол, снова заметил приближающегося к себе незнакомца. На этот раз он не смог не взглянуть ему в глаза.

Мелькнув взглядом, Иван чётко рассмотрел одну выпирающую наружную черту – надменность. Такая наглая и высокомерная надменность. Она светилась совсем непонятным серым самолюбивым цветом.

Из остальных особенностей строения лица выделялась его абсолютно треугольного вида форма.

Иван решил, что в этот раз его убьют, и, продолжая выполнять свою обязанность, вспомнил Гавриила: «Много. Очень

много раз тебе будет казаться, что это конец. Что всё конечно. Тебя просто убьют, и на этом всё кончится. Вспоминай, как своих товарищей. Вспоминай, как они трудятся под землёй, как они живут здесь, как они здесь страдают. Вспоминай своих родителей. Вспоминай, как они растли тебя, как голодали неделями для того, чтобы ты мог жить. А главное, вспоминай Землю. Ты же не раз был на поверхности, видел как там красиво, как там хорошо. Когда тебе станет тяжело, думай о плохом, о хорошем, но главное, самое главное о том, что всё, что ты ни делал, всё к лучшему».

«Помнишь меня?» – спросил незнакомец с треугольным лицом.

«Я не закончил работу», – ответил Тихомиров, неустанно продолжая водить тряпку из стороны в сторону.

«Так ты собираешься помогать маки?»

«Нет, не собираюсь».

«Вот и молодец».

Последние слова громом обрушились на сердце Тихомирова. Он был готов к ним, он знал, что возможно что-то подобное, но в сам момент его сердце стукнуло с такой силой, что в глазах потемнело.

Словно по сигналу двое чумов вышли из-за угла и направились к людям, а надменный эсчекист окончательно раскрылся: «Ты молодец, что не стал помогать маки. Теперь будешь помогать СЧК. Меня, кстати, зовут Дмитрий».

Иван остановил уборку и целиком развернулся к предате-

лю: «Я буду с СЧК?.. Только, если мне дадут еды... сверх нормы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.